ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
Список сокращений	7
Пояснения, на которые автор решил обратить ваше внимание	8
От автора.....	13
Глава I. Два взгляда.....	17
Введение в тему вирусов	17
Парадокс испанки	20
«Доиспанковый» период в истории гриппа	27
Взгляд на испанку век спустя	39
Врачи и войны России XIX — начала XX в.	54
Глава II. Русские врачи, участники событий, об испанской болезни	68
Испанская болезнь в северной области.....	119
Эпидемиология и бактериология испанской болезни ...	122
Комментарий автора книги доктора В.М. Новоселова...	134
Глава III. Эпидемическая ситуация в революционной России в 1918–1919 гг.	139
При чем здесь сыпной тиф?	139
Разруха, другой мир	147
Поражение нервной системы и опять тиф	155
Становление советского здравоохранения в 1918–1919 гг. (бюллетень Народного комиссариата здравоохранения).....	161
Комментарий к бюллетеню Народного комиссариата здравоохранения (персональное мнение доктора В.М. Новоселова)	217
Глава IV. Размышления над испанкой в оформлении Гражданской войны	223
Можно ли оценить смертность от испанской болезни в России?	223

Сифилис и ожесточение Гражданской войны.....	232
Вирус, его информационная волна и социальные сети	245
О здоровье и хрупкости нашего мира	253
Выводы.....	258
Заключение	267

Глава I

ДВА ВЗГЛЯДА

ВВЕДЕНИЕ В ТЕМУ ВИРУСОВ

Люди, жители Земли, до 2020 г. просто не обращали внимания на тот неоспоримый факт, что мы, живущие на этой планете, здесь не одни. А зачем? Ведь мы в нашем понимании итогов эволюции и есть игемоны этой планеты. Именно мы не только строим эти города, пронизанные асфальтовыми магистралями и подземными капиллярами метро, но и связываем эти человейники паутиной маршрутов железнодорожного, воздушного и водного транспорта по всей планете, и в нашей истории они сыграют очень заметную, если не одну из самых важных ролей.

Мы не очень внимательно смотрим вокруг, да и внутрь себя, ведь мы в постоянном состоянии кипения разума.

Воюющее человечество с атомной гранатой в руке — достойное печали явление. Именно противостояния и гонки вооружений, которые становятся все более изощренными, отрывают силы и средства от решения глобальных проблем. Именно поэтому гонка технологий войны, в том числе разработка биологического оружия, сама по себе уже проблема человечества и планеты.

Да, мы знаем, что вокруг нас есть другая биологическая жизнь, чаще это кошечки и собачки, но о том, что вокруг нас 10^{35} разных вирусов и 10^{31} бактерий, даже редко задумываемся [1]. Мы не хотим замечать, что вокруг нас и даже в наших телах есть еще многообразная жизнь, которую мы просто не видим. Да, мы, научившись смотреть в электронный микроскоп, смотря на отдельный мазок эволюции, просто разучились видеть ее картину в целом. А ведь наше тело считают своим домом 10^{13} ви-

русов, и это нижняя оценка, 10^{12} бактерий, 10^8 грибов. И это еще не все, есть еще простейшие и гельминты. Иногда все это вместе, наш организм и его окружение, называют холобионтом.

Несмотря на то что мы постоянно воюем — войны на планете идут не переставая, — население нашей планеты за пару столетий увеличилось с 1 млрд до почти 6 млрд человек. При этом если в XIX в. население увеличилось только на 60–70%, то в XX в. сразу в 3 раза. И это при двух мировых войнах. Важно и то, что процесс роста населения продолжается и пока набирает ход — только за 25 лет этого века планета прибавит еще почти 2 млрд человек. Удивительно быстрый рост!

И невидимая нашим глазам жизнь окружает не только нас, которых стало почти 8 млрд человек, но она протекает и в тех животных, с которыми мы живем рядом. Или которых мы употребляем в пищу. Эти наноформы очень быстро мутируют, и их постоянный дрейф занимается постоянным подбором генетических отмычек к нашему виду. Веса в прямом смысле у них нет, но значение их очень велико. Наиболее быстро из этого мира изменяются вирусы. Это очень разнообразная форма жизни, где отличия таковы, как, например, разница между слоном и кишечной бактерией в его кишечнике. К тому же вирусы — самый распространенный биологический объект на нашей планете.

Вирус — это не жизнь и одновременно и не нежизнь. Вот такой парадокс. Если вирусы могут эволюционировать — какие-то быстрее, например вирусы гриппа, какие-то медленнее — значит, это особый вид жизни. Это некая промежуточная форма, состоящая из кусочка дезоксирибонуклеиновой, или рибонуклеиновой кислоты, которая кодирует вирусные белки, а значит, и свойства этого облигатного внутриклеточного паразита.

Однако у вируса нет метаболизма, а значит, и жизни, скажете вы. Да, но только до времени попадания в клетку-хозяина. При этом вирусы используют самые разные пути передачи своего генома. И размножается эта наночастица исключительно только в клетке живого организма. Следовательно, жизнь самого организма, например нашего, также исключительно важнейшее условие биологического существования жизни любых вирусов.

Вирусы — это неизбежная часть нашей жизни, жизни людей как вида, а наша жизнь — часть жизни вирусов, которые живут в нашем организме.

Геном человека вместе с геномом всего богатого окружения вирусов (виром) и бактерий (микробиом) и прочего наномира, живущего в нашем теле, иногда называют хологеномом. Единственно, что важно подчеркнуть, что именно в наши дни начала XXI в. макроорганизм, я говорю о самом человеке, часто уже стар. Это важное отличие нашего мира от мира начала прошлого века, когда показатель ожидаемой продолжительности жизни был в 2–3 раза ниже.

Вирусы — одни быстрее, другие медленнее — постоянно и быстро эволюционируют, влияя и на эволюцию нашего вида по неизвестным нам признакам. И возможно, таким признаком может быть механизм старения, что бы мы ни имели в виду под этим словом. Я здесь говорю и о слове «старение», и о слове «механизм». А значит, вирусы могут быть частью эволюции нашего механизма старения, под которым я подразумеваю механизмы жизнеобеспечения и организма, и всего нашего вида *Homo sapiens*.

В то же время вирусы — только часть механизма эволюции, как и температура, и уровень кислорода окружающей нас среды, которые не всегда были такими, к каким мы привыкли. И подобных факторов очень много: питание, двигательная активность, когнитивная нагрузка и даже гаджеты. Огромное количество генов, часто повторяющихся и молчащих в нашем геноме, нередко связывают с приобретенными вирусами из далекого прошлого.

Слова «организм», «организация», «организация здравоохранения» будут часто встречаться в этой книге, потому что это о нашей жизни, где все организовано нами, вирусами и информацией, с которой мы живем.

Это наш мир, но это и мир вирусов. Этот мир всегда здоров, но одновременно всегда же практически болен. Это его перманентное состояние.

Литература

1. Зуев В.А. Многоликий вирус. М.: АСТ, 2020. 304 с.: ил.

ПАРАДОКС ИСПАНКИ

Заходим, господа и товарищи.

Присаживайтесь!

Перед нами очень необычный сюжет. Итак, начнем. Нет сомнений, что самым распространенным заболеванием на нашей планете до прихода нового коронавируса nCoV-19 был грипп. Возможно, точнее, пока не исключено, что он таким и останется. Причина в том, что вирусы гриппа имеют свойство очень и очень быстро меняться.

Название «грипп» происходит от французского *la grippe* (хватать или схватить), хотя есть и другие версии происхождения термина. В нашей стране, которая частенько меняла названия, раньше грипп чаще называли инфлюэнца (или инфлуэнца, в старых документах можно увидеть и инфлуэнция. — *Примеч. автора*). Были и другие народные названия.

Грипп есть острая вирусная инфекция, передающаяся воздушно-капельным путем, характеризуется острым началом, интоксикацией, лихорадкой и поражением респираторного тракта. Ему подвержены люди всех возрастов, но наибольшую опасность он представляет все-таки для пожилых и старых людей с их ослабленными самим временем прожитой жизни возможностями организма. Тяжело болеют и маленькие дети — их иммунная система еще не созрела, поэтому заболевание также нередко заканчивается осложнениями. По частоте и количеству случаев грипп и острые респираторные вирусные инфекции занимают первое место среди инфекционных заболеваний.

Та грандиозная пандемия гриппа 1918–1919 гг., которую мы называем сегодня испанкой, была вызвана вирусом гриппа H1N1. С этим согласны все современные ученые, здесь сомнений быть уже не может. Однако свойства, которые сделали его таким разрушительным, непонятны ученым до сих пор. И в этом непонимании есть тоже некое общее согласие — ведь в нем, если так можно говорить о бесполом вирусе, нет ничего такого особенного, чтобы вызвать гибель 5% населения планеты, как указывает

большинство современных авторов. В начале 2009 г. появился новый пандемический вирус гриппа H1N1, но он также не проявил необычно высокой патогенности [1].

С одной стороны, все говорят об апокалиптических потерях от того гриппа испанки, с другой стороны, что же вызвало такие колоссальные потери среди населения, никому непонятно.

И если это так, то возникает предположение, что причина здесь в том, что это не совсем тот вирус, или не совсем тот человек, или были другие факторы, в том числе и в организации жизни, которые привели к такой колоссальной смертности. Или такой смертности не было. Или была, но от других, неизвестных нам причин. Возможно, что все перечисленное, причем в разных пропорциях, могло участвовать в картине той пандемии, которую сегодня называют коротко и просто — «испанка». Здесь можно долго гадать, а мы лучше разберемся по существу вопроса.

Сегодня ученые и врачи стараются избегать в обозначении вирусов указывать их национальную или региональную принадлежность. Сегодня услышать «китайский» или «калифорнийский» вирус можно только в бытовой речи.

Если проанализировать всю мировую литературу про испанку, а ее, право, так много, что слово «всю» здесь очень сомнительно, но тем не менее, потратив на это полтора года и написав одну из самых интересных моих книг «От испанки до COVID-19» [2], могу сказать, что она обладает признаками однотипности формирования. Попробую представить свое видение, как она сформирована.

1. Там, где указаны огромные людские потери от испанки, там, по сути, нет никаких точных цифр, а лишь одни эмоции, что заметно по использованию одной цифры потерь населения, всегда округленной до десятков миллионов.

Последнее время есть склонность указывать эти потери одной или двумя цифрами — 50–100 млн человек. Точность, где округляют до десятков миллионов, подсказывает мне, что здесь нет никакой точности. Тем более что даже в этих двух цифрах промежуток такой, что больше численности населения в большинстве современных стран.

2. Авторы, использующие такой подход, никогда не ссылаются на оригинальные документы органов здравоохранения той или иной страны, что создает впечатление, что в момент прихода испанки не существовало не только медико-санитарных служб и медицинской статистики, но и самого здравоохранения на планете в целом. Что, конечно, не так.
3. Часто современные авторы указывают на растерянность врачей в пандемию испанки, а иногда на панику и неразбериху среди них. Частенько также можно прочитывать или услышать в средствах массовой информации, что, мол, те врачи даже не понимали, что делать.
4. Многие авторы, указывающие на испанку как именно на вирусное заболевание, даже не догадываются: врачи в 1918–1919 гг. просто еще не знали и не могли знать, что это был а) именно вирус, б) именно вирус гриппа. Вирус гриппа вообще еще не был открыт — это произошло много позже. Можно даже сказать, что это стало известно в другой период развития медицины (в те годы рост медицины шел семимильными шагами, и даже отрезок времени в одно десятилетие указывает на то, что это была уже другая медицина и медико-биологическая наука в целом), вирус гриппа А обнаружен только в 1933 г., то есть через 14 лет.
5. В большинстве случаев, особенно в популярной литературе, нет указания, что грипп и до испанской болезни был одной из самых распространенных инфекций на планете. Очевидно, по мнению авторов, это не столь важно, но в голове читателя и слушателя создает ясную картину — такого никогда ранее не было, значит, есть элемент первичности и только уже потому неожиданности, а это не совсем так. Вернее, совсем не так.

6. Интересно также и то, что как в русской, так и в мировой художественной литературе тех лет [Э.М. Ремарк (1898–1970), М.А. Шолохов (1905–1984), или даже если «Тихий дон», где подробно описаны эпизоды Первой мировой войны, написал за него великий русский писатель Ф.Д. Крюков (1870–1920), М.А. Булгаков (1891–1940), сам участник боевых действий той войны, очень наблюдательный человек, который бы обязательно отметил масштабы испанки] нет тех описаний, которые бы заставляли подумать об испанке именно как о вселенской трагедии, как рисуют испанскую болезнь сегодня.
7. Количество цитирований испанки стало заметно больше с начала 2000-х годов, и всплеск активности, напоминающий информационный шторм, обрушился на человека с момента появления нового коронавируса nCoV-19 (позднее этому вирусу дано обозначение SARS-CoV-2).

Пример 1: «Уже 100 лет отделяют нас от разразившейся в 1918 г. пандемии испанского гриппа, унесшей более 50 млн человеческих жизней. По данным ВОЗ, ежегодная смертность от инфекции вирусом гриппа составляет 200 000–500 000 человек. Если ориентироваться на верхнюю границу этой оценки, то за 100 лет из-за гриппа не стало около 100 млн человек» (Харченко Е.П. Вирус испанского гриппа: штрихи к портрету спустя 100 лет // Инфекция и иммунитет. 2018. Т. 8. № 3. С. 325–334).

Пример 2: «Более того, даже в приведенных описаниях медиков и очевидцев нет тех поистине ужасных деталей, которые можно встретить в литературе. Так что, когда автор говорит, что в 1918 г. “врачи понимали — перед ними не «обычный» грипп”, нам остается верить ей на слово. Она указывает, что в условиях непонимания, как лечить это крайне заразное заболевание, в медицинском сообществе “царили неразбериха и паника”».

Смертность от второй волны описывалась W-образной кривой, центральный пик в ней занимал возраст 15–44 года (по другим данным — 20–40 лет, с максимумом на возрасте в 28 лет). Автор приводит следующие объяснения, которые сегодня кажутся сомнительными: старики пережили русский

грипп 1889–1891 гг. и могли приобрести иммунитет еще тогда, а грудных младенцев поддерживал иммунитет матери. Для отдаленных уголков земного шара, население которых просто не встречалось с подобными вирусами, завезенный войсками европейских армий грипп оказался абсолютно смертельным.

Историю пандемии в странах условного «третьего мира» автор интерпретирует в рамках парадигмы «европейский колониализм и его жертвы», рассматривая, хотя и весьма кратко, африканские страны (с особым вниманием к Южной Африке), Индию и Иран (где был один из самых высоких показателей смертности — 21%). Колонии дали основную смертность: в Африке, где разразился также и голод (эпидемия прищлась на посевную в сезон дождей), по приблизительным подсчетам, в течение 10 мес было около 50 млн смертей, в Индии за 1918–1920 гг. — 18 млн. Смертность среди коренного населения в таких странах, как Новая Зеландия, Канада, США, была в несколько раз выше, чем среди белых. Крайне низкой оказалась смертность в Китае и самой низкой в мире — в Японии, несмотря на медленную реакцию властей и отсутствие централизованного руководства. Автор объясняет этот феномен общей приверженностью японцев к чистоте и ношению масок, привычкой оставаться в постели, пока не пройдет лихорадка, разделением на внутреннее и внешнее пространство и другими особенностями японской культуры (считается, что здоровье — это коллективная ответственность). В Китае выздоровело 97% заболевших. Большую роль здесь сыграли, по мнению автора, давняя традиция борьбы с эпидемиями, детализированные описания симптомов и рецептур, внимание к гигиене; но главное — уровень доверия населения к своей медицине, которая давала людям совершенно определенные и четкие рекомендации.

Однако главное наследие эпидемии, полагает автор, — почти полное ее забвение. Историей опустошительного гриппа занималась горстка специалистов, в то время как из коллективной памяти она фактически исчезла. Люди старались выкорчевать тяжелые воспоминания и двигаться дальше, скорбя о погиб-

ших в славных сражениях, но не от «гриппа» (Большакова О.В. Рецензия на книгу: Брейтнауэр Дж. Эпидемия испанки и ее влияние на историю. Рассказы о глобальной пандемии 1918–1920 гг. Breitnauer J. The Spanish flu epidemic and its influence on history: Stories from the 1918–1920 global flu pandemic. Yorkshire — Philadelphia: Pen&Sword History, 2019. XIV. 138 p.).

Пример 3: «Испанский грипп (испанка) был, вероятно, самой массовой и страшной пандемией гриппа. По приблизительным подсчетам, население Земли сократилось на 2,7–5,3%, а количество зараженных составило около 29,5% всего человечества. Подобная статистика позволяет приравнять этот грипп к самым масштабным катастрофам за период всей мировой истории» (Широких К.Е., Мазурок О.И. История эпидемий гриппа. Медицинские технологии. Оценка и выбор. 2015. № 3 (21). С. 73–77).

Пример 4: «Можно выделить три основных группы рекламных кампаний, направленных на пропаганду борьбы с вирусами. Во-первых, это социальная реклама 1910–1920-х годов в Европе, России и США, темой которой стала профилактика “испанского гриппа”. Во-вторых, “авангардная” пропаганда гигиены по предупреждению вирусов в 1920-х годах в СССР. И в-третьих, современная социальная реклама, распространяющая информацию по борьбе с COVID-19» (Соколова О.В. Языковые технологии «Антивирусной» социальной рекламы: от «испанского гриппа» до «COVID-19». Вопросы психолингвистики. 2020. № 4 (46). С. 102–121).

Пример 5: «Пандемия гриппа H1N1 в 1918–1919 гг. была одним из самых смертоносных событий в истории человечества, в результате чего, по оценкам, погибло 50–100 млн человек» (Morens D.M., Fauci A.S. The 1918 Influenza Pandemic: Insights for the 21st Century // J. Infect. Dis. 2007, Apr. 1. Vol. 195, N 7. P. 1018–1028).

Я думаю, этими примерами можно и обойтись, так как прочие будут во многом повторять приведенные тексты, перегруженные ошибками мышления авторов, не пожелавших даже посетить архивы при работе с историей вопроса. Интересный аспект еще и в том, что статьи не подбирались специальным образом,

а взяты первые попавшиеся по теме «история гриппа». И это половина проблемы, вторая половина в том, что это все научные статьи. Представляете, что же творится в обычных газетах?

Например, часто можно услышать и сегодня, что смертность от испанки в 1918–1919 гг. была высокой именно у людей в возрастной группе 20–45 лет, и это якобы была уникальная особенность той пандемии. Это верно, но без уточнения, а где же старики и дети, которые, как мы знаем, хуже переносят грипп, несет значительное искажение информационного поля. Тем более в истории нашей страны та пандемия слилась в безумном танце с разгаром Гражданской войны. А это уже был мир молодых людей в шинелях с винтовками и маузерами в руках. Именно таким и запомнилось то время.

Почему же запомнили не эпидемический сыпной тиф 1918 г., тотальный сифилис во всех населенных пунктах вдоль железных дорог, туберкулез, малярию, которая распространилась на территории России от Самары и Астрахани до Севера Якутии, сонную болезнь, бич Западной и Центральной Африки, а именно испанку?

Если испанка была в таких масштабах, как пишет современная «Википедия», то мы должны увидеть подтверждение в старых архивных документах. Уж больно страшные цифры указаны в энциклопедии, которую пишут все, кто захочет, включая, условно назову их, «не очень здоровых людей». Во всяком случае, в разделе «испанка».

Общаясь с демографами и эпидемиологами, я частенько слышал подтверждение моего предположения, что цифры потерь от испанки в 50–100 млн человек — это не более чем оценочное мнение. И оно не подтверждено, да и не может быть подтверждено, хотя и указано уже в сотнях тысяч источников интернета (Google дает 117 000 ссылок по поиску «испанская болезнь» и 1,23 млн по слову «испанка»). И никто уже или почти никто не задумывается над его правдивостью. Давайте мы задумаемся над этим вопросом: зачем исказить цифры так, что они растут и растут? Действительно, зачем? В этом вопросе нет ничего необычного.

И если в том вирусе нет ничего необычного, хотя все вирусы необычные, то, возможно, стоит посмотреть на самого человека или на все человечество? И такую попытку мы сделаем в этой книге, одновременно сравним два взгляда — со стороны западного мира и русский взгляд на испанскую болезнь. Это будет взгляд, как данную болезнь воспринимали именно ее современники, а не общество из нашего удобного времени.

К сожалению, если нам предоставляют ложную или частично ложную информацию о давно минувших событиях, то мы не можем разбираться глубоко и по сути. И если такая информация имеет эмоционально-негативную окраску, то она лучше множится и передается. И причина здесь в том, что любая информация со знаком «минус», а тем более предупреждающая о грозящей опасности, лучше цитируется в рамках всей информационной коры полушарий Земли.

Литература

1. Morens D.M., Taubenberger J.K., Harvey H.A., Memoli M.J. The 1918 influenza pandemic: Lessons for 2009 and the future // *Crit. Care Med.* 2010 Apr. Vol. 38, Suppl. 4. P. e10–e20. DOI: 10.1097/CCM.0b013e3181ceb25b.
2. Новоселов В.М. От испанки до COVID-19: хроники нападения вирусов. М.: Эксмо, 2020. 256 с.

«ДОИСПАНКОВЫЙ» ПЕРИОД В ИСТОРИИ ГРИППА

Важно не только оценить, как протекало любое событие далекого прошлого, с высоты цифровой стремянки нашего времени, но и постараться выяснить, а как же это событие выглядело именно в тот давний момент. Именно поэтому, если мы хотим разобраться с испанкой, важны ставшие уже архивными научные статьи и обзоры именно того времени, 1918–1919 гг. [1–9].